

Сведения из разных источников, полученные различными путями, собирались в поместье на юго-западе столицы. Посольство узнало, что Сяо Эня уже тайно доставили в столицу, но о том, где его держали, были в курсе только царственные мать и сын, да ещё господин Шэнь из контрразведки. Это звучало странно, но двор Северной Ци встречал его на переправе У весьма пышно, а в столицу перевёз незаметно. Похоже, Шаншань Ху и те, кто желает смерти Сяо Эню, всё ещё занимались перетягиванием каната.

Для Фань Сяня жизнь и смерть Сяо Эня не входила в сферу его рассмотрения — точнее, пока он, прибыв в столицу, не овладеет скрывающимися повсюду на севере тайными силами и не пустит их в ход, он не имеет возможности обдумывать судьбу Сяо Эня.

Разве что придёт У Чжу, или скорее разве что У Чжу принесёт Фань Сяню сундук.

Был ещё один вопрос, который не давал покоя Фань Сяню: почему всегда нечеловечески бесстрастный дядя У Чжу на этот раз настаивал на том, чтобы не ступить на эту северную землю? Неужели здесь был кто-то, с кем он не хотел встречаться?

С другой стороны, было очевидно, что предложение, сделанное Фань Сянем хоу Чаннину, начало приносить результат. Скрывающаяся за ним огромная выгода смогла соблазнить кое-кого, и тайная встреча с господином Шэнем из контрразведки была организована. Фань Сянь знал, что, хотя эти дела казались личными, мамаша в императорском дворце непременно станет скрытно присматривать за ними.

Противник не будет полностью доверять Фань Сяню, но всё же попробует.

Фань Сянь вообще не поверил бы противнику, но, бросая приманку, он всегда надеялся что-нибудь поймать.

Внешне помощник премьер-министра Вэй, казалось, всё ещё тянул время, но на самом деле обе стороны переговоров уже почувствовали, что процесс постепенно ускоряется, хотя он всё ещё шёл медленнее, чем настоятельно требовал Фань Сянь. Так или иначе, в один пригожий день приказ придворного этикета и контрразведка совместно выпустили тайный документ, и миссия наконец получила возможность увидеть Янь Бинъюня.

В тот день небо было ясным, и на ярко-голубом небе не было ни единого облачка. Фань Сянь приставил ладонь козырьком ко лбу, чтобы заслониться от палящего солнца, и на его губах появилась мимолётная улыбка: он вспомнил о начальных строках, которые часто использовал в сочинениях, когда учился в младшей школе.

Он был очень счастлив, но и немного волновался: хотя во время путешествия, до того как эта сделка была заключена, тьма, сокрытая в глубине его души, почти заставила его совершить некий обмен, однако это, к счастью, не стало реальностью. Как уже говорилось ранее, Фань Сянь сильно восхищался молодым господином Янем, которого никогда не встречал, и весьма уважал его.

Сын высокопоставленного чиновника смог отказаться от богатства и почестей, отправиться в дальнюю чужую страну и среди трудностей и опасностей возродить разведывательную службу на севере, при этом он ещё и весьма отличился, успешно пробившись в высшие слои общества Северной Ци. Уже это показало Фань Сяню, что молодой господин Янь во многом сильно превосходит его самого.

Янь Бинъюнь был заключён в строго охраняемом поместье на окраине столицы. Недалеко от поместья располагался военный лагерь, а сад внутри и снаружи охранялся Стражей в парчовых одеждах. Большие железные ворота усадьбы неторопливо распахнулись, и все, не покидая повозок, проследовали внутрь по каменной дорожке, прячущейся среди лужаек, и вскоре добрались до небольшого здания.

Этот дом не обладал тем духом старины, который имели другие здания в столице. Он был полностью сложен из прочного камня и не имел внутреннего двора. Из угловой башни, вероятно, всё происходящее на лужайке было видно как на ладони. Это место как нельзя лучше подходило для содержания под стражей.

Сегодня только Ван Цинянь сопровождал Фань Сяня на встречу с Янь Бинъюнем. Гао Да служил в Тигровой страже, а Линь Цзин и Линь Вэнь — в Приказе придворного этикета, и к делам Контрольной палаты они не имели отношения, поэтому приходить сюда им не стоило.

Вэй Хуа на голубом глазу сказал Фань Сяню:

— Господин Фань, посмотрите, здесь поют птицы и благоухают цветы, а нежный ветерок колышет траву. Разве не любезно обращается наш двор с вашими людьми?

Выражение лица Фань Сяня было ещё спокойнее, чем у него, и он холодно ответил:

— Даже нефритовые дворцы бессмертных, если прожить в них долгое время, станут всего лишь тюремной камерой.

Стоявший рядом с ними заместитель уполномоченного по вербовке из Стражи в парчовых одеждах сказал:

— Даже если это тюрьма, в ней всё равно гораздо комфортнее, чем в вашей Контрольной палате. — Он вспомнил, что когда его люди встретили Сяо Эня на границе, то, видя его ужасное состояние, он просто вышел из себя.

Фань Сянь нахмурился. Больше всего его раздражал этот заместитель. После того как дипломатическая миссия прибыла в столицу, отвечать за связи между двумя сторонами должен был именно этот тип. Кто же знал, что он станет прятаться? Фань Сянь до сих пор не выяснил его официальную должность в Северной Ци. Он, очевидно, из Стражи в парчовых одеждах, но почему большого босса зовут начальником контрразведки, а его помощника, секретного агента, называют уполномоченным по вербовке? Когда Фань Сянь впервые услышал

это имя, то почти принял его за военного.

— Зачем столько болтать? Я хочу пойти и увидеться с ним. — Фань Сянь холодно посмотрел на этого уполномоченного, думая, что Сяо Энъ страдал на юге в течение двадцати лет, но кто знает, сколько суровых пыток перенёс Янь Бинъюнь после поимки. Даже дожить до сего момента ему уже было нелегко.

До встречи с Янь Бинъюнем Фань Сянь уже представлял себе множество сцен: например, молодого господина Яня подвесили на дыбе, избили так, что полопалась кожа; ему воткнули железные иглы в пальцы, сорвали все ногти на ногах, так что виднелась нежная плоть внутри; гладкую кожу на теле прижигали калёным железом, и даже юношеские дёсны раньше срока состарились и потеряли зубы.

Конечно, это самый жестокий вариант.

Фань Сянь также представлял, что, возможно, молодой господин Янь сейчас сидит на мягкой кровати среди парчовых покрывал, а его окружают четыре или пять модных в Северной Ци красавиц с обнажёнными бёдрами и полуприкрытой белой грудью, кормят виноградом с рук и виноградный сок стекает на его упругую мускулистую грудь, а красотка рядом с ним осторожно вытирает его мягким платком.

Конечно, это худший вариант.

В голове Фань Сяня также постоянно держалась ещё одна странная картина: возможно, когда он впервые встретит Янь Бинъюня, тот набросится на него, как раненный в голову тигр, пытаясь разорвать на куски, в слезах и соплях обвиняя пришедших в том, что они не заботятся о его жизни, и жалуясь, что чиновники из родной страны прибыли слишком поздно.

Конечно, это самый маловероятный вариант.

Но что бы он себе ни вообразил, войдя в комнату, Фань Сянь понял, что человеческое воображение всё же весьма убого, а его собственное — ненамного сильнее. Он увидел молодого человека, сидящего в кресле, и приоткрыл рот: он поразился, ведь никогда не предполагал, что Янь Бинъюнь окажется в нынешнем положении.

Помощник премьер-министра Вэй и уполномоченный явно тоже не ожидали такой сцены и заахали от удивления.

Помещение было обставлено очень элегантно: большая кровать, письменный стол и кое-какая

обычная мебель — совсем не похоже на камеру пыток, скорее напоминало комнату в собственном доме. Фань Сянь не был уверен, что Северная Ци, зная о его приезде, не организовала это заранее; он просто смотрел на кресло.

В кресле сидел молодой человек с равнодушным выражением лица. Лицо его было чрезвычайно красиво — тонкие губы и брови вразлёт, — но с точки зрения физиогномики выдавало весьма бесчувственную личность. Что всех удивило, так это то, что в колени ему уткнулась лицом молодая девушка и её негромкие всхлипы эхом отдавались в тишине комнаты.

Фань Сянь в конце концов крепко сжал приоткрытые в ошеломлении губы, но в душе у него ещё оставалось недоумение. Усмехнувшись, он вспомнил, как беспокоились люди государства Цин о главе своей разведывательной сети в Северной Ци, а он тут, оказывается, в этой камере разыгрывает любовные драмы, а вовсе не сцену пыток из фильмов про агента 007, которую Фань Сянь себе представлял.

Молодым человеком в кресле, естественно, был Ян Бинъюнь. Когда он заметил, что к нему вошли несколько человек и двое из них одеты в чиновничье платье государства Цин, то нахмурился. И от его недовольства в комнате словно начало холодать.

Этот холод даже вспугнул женщину, безутешно рыдающую у ног Янь Бинъюня. Она в изумлении подняла голову и обернулась к вошедшим. В этот момент Фань Сянь обнаружил, что девушка эта хороша собой, с мягким выражением лица. Должно быть, она дочь богатой семьи, но не понятно, как она оказалась в строго охраняемой тюремной камере.

— Барышня Шэнь? — Вэй Хуа был потрясён. Он позвал: — Охрана! Пожалуйста, проводите барышню Шэнь.

— Шэнь? — Фань Сянь снова нахмурился, чувствуя, что дела становятся всё интереснее и интереснее.

В двери ворвались несколько стражников. Помрачневший Вэй Хуа выругался:

— Вы что себе позволяете? Вы действительно разрешили госпоже Шэнь прийти в такое опасное место!

Уполномоченный тоже разгневался и сразу же раздал несколько звучных пощёчин. Стражники в парчовых одеждах, отвечающие за охрану важного преступника, прикрывая лица, подошли к барышне Шэнь, но не осмелились ничего сделать.

— Барышня Шэнь? Если вы не удалитесь, не вините меня за дерзость, — поклонился ей уполномоченный.

Вэй Хуа тоже подошёл, мягко уговаривая:

— Сестра Шэнь, лучше уходи, иначе, если дядя Шэнь узнает об этом, он может и избить тебя до смерти.

Фань Сянь так и не встретился взглядом с Янь Бинъюнем — он лишь спокойно смотрел на девушку, плачущую у ног Янь Бинъюня. Её фамилия Шэнь, она может войти в поместье, тщательно охраняемое Стражей в парчовых одеждах Северной Ци. Без всякого сомнения, это девица из семьи господина Шэня.

Неизвестно только, что за отношения между барышней Шэнь и Янь Бинъюнем. Горько усмехнувшись, Фань Сянь подумал: неужели тактика нашего господина Яня на самом деле — соблазнение женщин?

Барышня Шэнь тихо встала и посмотрела на так и не сказавшего ни слова Янь Бинъюня. Смирение в её взгляде постепенно сменялось безумной злобой и ненавистью. Она прикусила губу и произнесла раздельно:

— Я хочу от тебя услышать лишь одно: что из того, что ты говорил раньше, правда?

Янь Бинъюнь слегка наклонил голову, оглянулся безо всякого выражения на лице и тихо ответил:

— Я сотрудник четвёртого отдела Контрольной палаты Южной Цин. Барышня Шэнь должна ясно осознавать, что, естественно, ни одно моё слово не соответствует действительности.

Вэй Хуа взглянул на Фань Сяня, который бесстрастно наблюдал со стороны, боясь, что если молодая госпожа продолжит говорить, то станет посмешищем для южных чиновников, и торопливо приказал охране проводить барышню Шэнь к выходу.

Барышня Шэнь холодно оттолкнула руки стражников, посмотрела на Янь Бинъюня, который всё ещё неподвижно сидел в кресле, и печально сказала:

— Ладно-ладно, хороша же твоя любовь, Янь Бинъюнь.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3385638>